

**Русские Рязанского края / Отв. ред. С.А. Иникова. В 2 т. М.:
Индрик, 2009. Т. 1. 616 с., ил.; Т. 2. 748 с., ил.**

В последние годы заметно вырос интерес исследователей к традиционной культуре. Это связано с переосмыслением понятий «традиция», «миф», «модерн», «современность» и продиктовано осознанием того, что традиционные формы социальной жизни не уходят в прошлое, а сосуществуют вместе с массовой, урбанизированной культурой. Сказанное особенно актуально для России, аграрный профиль социальной истории которой вполне отчетливо просматривался вплоть до конца прошлого столетия.

Научный коллектив рецензируемого труда предпринял уникальное по масштабу и содержанию историко-этнографическое исследование народной культуры Рязанского края. Оно охватывает период с XIX в. (по некоторым темам с конца XVIII в.) до начала XXI в. Авторами, среди которых научные сотрудники Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, а также исследователи из Рязани, двигало стремление зафиксировать то, что еще можно найти в рязанской деревне и узнать из воспоминаний людей старшего поколения, чтобы показать нашим современникам и передать потомкам живой образ русского народа. Целью работы стало выявление наиболее важных сторон жизни рязанских крестьян.

В монографии рассматривается этническая история Рязанщины, диалектные особенности рязанских говоров, исторические и современные идентификационные представления, различные стороны хозяйственной деятельности (земледелие, скотоводство, промыслы, торговля), материального быта (жилище, питание, одежда), правосознания, праздничной культуры и духовной практики крестьянства. Специальный раздел посвящен быту сословий, наиболее тесно контактировавших с крестьянством, в той или иной мере включенных в народную культуру и в разной степени оказавших на нее влияние – дворянства, купечества, черного и белого духовенства.

Книга является результатом многолетних экспедиционных исследований, проведенных авторами в Рязанском крае, а также работы в центральных и местных архивах и музеях. Собранный в беседах со старожилами обширный материал, сохраняющий оригинальность народной речи, склад мышления простых людей, scrupulously обработанный и впервые введенный в научный оборот, наряду с архивными и музейными документами, также в большинстве своем публикуемыми впервые, позволяет представить трансформационные процессы в

жизни основополагающего для России социального слоя на протяжении двух столетий, в контексте важнейших цивилизационных изменений. Оригинальность и новизна издания придают исключительный по богатству и насыщенности иллюстративный материал, специально разработанные карты, схемы и указатель селений региона.

Основополагающим в осмыслении крестьянской культуры Рязанского края для авторов является принцип целостности, равноценности материальной и духовной сторон жизни общества. Значительный вклад в науку вносит выявление специфики религиозности русских людей, многообразия культовой практики и представлений о мистическом мире, силах Добра и Зла. Народное православие является собой комплекс религиозной практики и представлений, в котором соединились черты ортодоксального православия и традиционных дохристианских воззрений крестьян. В книге рассмотрены многообразные традиции религиозности рязанского крестьянства (посты, паломничества к святым местам, обеты, почитание святых источников и озер и др.). Специальное внимание уделено деятельности в миру праведников – монахов, блаженных, странников, – олицетворявших народный духовный идеал и игравших немаловажную роль в религиозной и повседневной жизни крестьян. Показана также деятельность повитух, знахарей и колдунов. Рассмотрена народная традиция почитания Божией Матери – всеобщей Великой Матери-Заступницы и свт. Николая-Чудотворца – покровителя крестьянского труда, считавшегося к тому же и покровителем Рязани.

Представленный в монографии материал позволяет познакомиться с проявлением крестьянской памяти, устной и ритуальной по своему характеру. В широком смысле традиция крестьянской памяти – это преемственность образа жизни. Действие памяти являли собой и хозяйственная, и религиозная практика, служа выражением актуализированного прошлого. В первом случае в нее включались навыки и обряды, предметы быта, меты как знаки собственности, во втором – намоленные храмы, иконы, общерусские и местнотимые святые, подвижники благочестия, практика поминаний, вкладов в церковь, общая память о строительстве церквей. В книге рассматриваются и изменения в крестьянской памяти. Авторы показывают, что традиционная культура бытует главным образом в форме репродуктивной памяти и носит характер живого прошлого,

включенного в настоящее. Наступает момент, когда прошлое отдалается от настоящего, между ними возникает все более осязаемая грань: прошлое уже не повторяется, оно переходит в область личных воспоминаний и культурной (символической) памяти группы. Но это процесс не одномоментный: так, например, элементы «огородной магии» до сих пор наблюдаются в народной культуре Рязанского края, а обряды заселения в новый дом уже перешли в область воспоминаний.

Народное восприятие мира как целого создает гармонию специфического корпуса крестьянской культуры. Но здесь присутствует и уязвимый для ее существования момент: стоит одному элементу стройной системы выпасть, как вслед за ним начинают разрушаться и другие. Собственно, ценность и новизна данной книги во многом обусловлены тем, что авторы показывают, как подобные процессы происходили в Рязанском крае, обращая внимание на комбинацию в них общероссийских и региональных черт. Проблемно-хронологический подход позволяет рассмотреть обозначенную в монографии центральную тему в динамике, в единстве досоветского, советского и постсоветского периодов российской истории, а также с точки зрения преемственности и разрывов в существовании крестьянского уклада. Проведен подробный и обстоятельный анализ факторов, влияющих в рамках каждого из выделенных периодов на ослабление позиций традиционной культуры и ее исчезновение, т.е. на раскрестьянивание.

В соответствии с условиями агроклиматического районирования региона рассматриваются все составляющие разнообразной крестьянской хозяйственной практики, которая на рубеже XIX–XX вв. породила преимущественно потребительскую, нацеленную на выживание, и, реже, мелкотоварную направленность хозяйства. В целом хозяйствование на земле воспринималось рязанским крестьянством как духовная миссия, неотделимая от образа жизни, в который органично включались с раннего детства; как нравственная обязанность перед памятью прежних поколений. Хотя нормативность распространялась на все стороны аграрного уклада, следует подчеркнуть вариативность и многообразие проявлений традиционной культуры. Авторы отмечают привносимые в рязанскую деревню развитием рыночных отношений изменения, что влияло на отношение крестьян к земле, труду на ней и собственности.

Представленный региональный срез народной культуры стал отправной точкой для анализа ее последующей трансформации, совпавшей с советским этапом российской исто-

рии. Основное внимание авторы уделяют колхозному периоду. Он рассматривается в двух аспектах: первый связан с поиском ответа на вопрос, насколько крестьянские традиции нашли продолжение в рязанской колхозной деревне, второй акцентирует внимание на том, каким образом колхозная эпоха повлияла на крестьянское хозяйство и менталитет. В монографии отмечается, что происшедшая после 1917 г. смена уклада шла очень медленными темпами и растянулась более чем на полвека (т. 1, с. 509). Связь поколений не была прервана. Благодаря этому общественное сознание крестьянского мира еще хранило в своей коллективной памяти те модели поведения, что были приняты ранее жившими поколениями. Авторы показали, что вплоть до середины 1960-х гг. сохранялась преемственность отдельных сторон хозяйственной практики, быта и культуры колхозной деревни с деревней единой, особенно в центральных и южных районах Рязанской обл., традиционно теснее связанных с земледелием. Генетическое продолжение традиций крестьянства авторы находят в личном подсобном хозяйстве. Новаторским выглядит исследование этой сферы крестьянского уклада в этнографическом ключе: показана его ориентированность на традиционный аграрный календарь и обрядность. Убедителен и вывод, что прикреплением колхозника к земле и искусственным поддержанием натурально-потребительского характера колхозного двора, советская власть способствовала консервации отдельных сторон традиционной культуры. В противовес и вопреки этой тенденции действовала другая тенденция – «снизу», поскольку именно на усадьбе проявлялась присущая крестьянству предприимчивость, и крестьянский мелкотоварный уклад получил некоторую возможность развития как раз в личном подсобном хозяйстве.

В монографии прослеживается, как истончалось обрядово-ритуальное проявление традиционной культуры, вымывалась знаковая, магическая и религиозно-нравственная подоплека обрядов; как исчезали объекты, к которым были привязаны те или иные обряды; как с помощью новых советских праздников шло вытеснение традиционной праздничной культуры. Ушли или утратили свою полнокровную жизнь многие виды религиозной традиции; особенно пострадали ее коллективные формы. В то же время отдельные стороны религиозной народной жизни в советский период получили новый импульс. В связи с официальными гонениями на Церковь для сельского населения и, главным образом, для женщины оказались еще сильнее, чем раньше, востребованы «монашки», старицы и др. Необычно большой размах при-

няло в советский период почитание святых источников. После закрытия церквей в 1930-х гг., многие источники (родники) получили статус святых и стали центрами религиозной жизни неформальных общин.

В рамках советского периода авторы особенно выделяют 1960–1980-е гг. К этому времени в Рязанском крае относится завершение процесса утраты крестьянского уклада, угасание народной культуры, теснейшим образом связанной с сельскохозяйственным трудом. Влияние городских потребительских стандартов и массовой культуры стало более интенсивным, а сам он на протяжении предшествующих десятилетий в значительной степени растерял многие свои компоненты и скрепы, прежде позволявшие противостоять тенденциям урбанизации. В постсоветской рязанской деревне работа на земле перестала быть образом жизни, а опыт прежних поколений, включая его моральный императив в отношении труда на земле, оказывается ненужным молодому поколению, численность которого к тому же быстро сокращается. Большинство из сохранившихся немногочисленных обрядов и обычаев практически утратило свою содержательную сторону и ее семантическую нагрузку, ряд из них приобрел игровой характер.

Подводя итог своему исследованию, авторы делают вывод об исчезновении русского крестьянина как типа личности и носителя этнически окрашенной традиционной культуры. Они высказывают сомнения относительно возможности какого-либо «окрестьянвания» деревни и возвращения того, что утрачено в силу неумолимого исторического процесса. Но сохранить наследие традиционной культуры и сделать его достоянием общества в условиях глобальных процессов важно и необходимо.

К сожалению, не во всех главах книги удалось достигнуть оптимального баланса между исторической и этнографической составляющими. Недостаточно внимания уделено пра-

вовым аспектам крестьянской культуры, проявлениям общественной («мирской») жизни. Последней авторы касаются попутно, однако, на мой взгляд, она заслуживает специального, отдельного освещения. Главе 4, посвященной историческим представлениям русских Рязанского края, не хватает цельности и динамики видения прошлого, в результате оно распадается на отдельные фрагменты. Память в данном случае сводится к знаниям о прошлом, что по моему мнению, не отражает характера и содержания этого культурного феномена. В главе 5 затрагивается дискуссионный для историографии вопрос о природе крестьянского хозяйства, особенно в связи с рыночной интеграцией крестьянства. В ней рыночная ориентация крестьянских подворий в колхозный период трактуется с точки зрения преемственности крестьянствования. Торговля признается в качестве неотъемлемой части хозяйственной жизни деревни, но в целом коммерциализация крестьянского хозяйства расценивается как раскрестьянивание (т. 1, с. 139). На мой взгляд, вопрос о совместимости крестьянства и рынка остается открытым, а проблема, до какого момента существует эта совместимость, нуждается в дальнейшей разработке.

Отмеченное, разумеется, несколько не умаляет того, что сделано авторами. Новаторский подход к теме, высокий уровень исследования позволяет назвать рецензируемую монографию важным событием научной жизни. Этот в своем роде первый и единственный, этапный труд в историко-этнографическом исследовательском поле достоин рассматриваться в качестве модельного при анализе народной культуры. Написанная живым, доступным языком, книга может быть адресована специалистам разных отраслей гуманитарного знания, а также широкому кругу читателей.

И.Е. Кознова, доктор исторических наук

(Институт философии РАН)

От политической борьбы к исторической мысли*

М.Г. Вандалковской принадлежат фундаментальные исследования отечественной историографии второй половины XIX – первой половины XX в. В своей новой книге «Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в.» она предлагает и реализует новые подходы к изучению историографии. «Историческая мысль всегда тесно связана с общественно-политической мыслью, – пишет

Вандалковская. – Мировоззрение, политические устремления, общественное сознание эпохи, самосознание общества являются той основой, на которой строится историческая мысль». Основываясь на этом подходе, историк расширяет сам предмет историографического исследования, зачастую отходит от традиционного изложения «по авторам» или «по направлениям», понимая под последними сло-

* Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М., 2009. 432 с.